

АННА ДЖЕЙН

**ВЛЮБЛЕННАЯ  
ВЕДЬМА**

**CLEVER**  
•издательство•

*С благодарностью Дарье Корчагиной*

# ЧАСТЬ 1

# ГЛАВА 1

ГЛЯДЯ НА БЕСКРАЙНЕЕ НЕБО в иллюминаторе самолета, Костя думал о ней. О девушке, которая осталась в родном городе. О своей первой любви. И, возможно, единственной.

О Тане.

Он до сих пор помнил ее смех, как пахнет кожа, как сияют зеленые глаза, когда он рядом и держит ее за руку. Помнил нежные прикосновения и теплое дыхание. Длинные ноги и округлые бедра. Солнце, искрящееся на распущенных волосах. Слова любви, которые она ему говорила.

Костя точно знал, что встретится с ней в самое ближайшее время. Наконец сможет сделать это. Увидеть ее, обнять, вдохнуть аромат волос. И с замиранием сердца он предвкушал, как это произойдет.

В динамиках раздался голос стюардессы, которая оповестила о скорой посадке и попросила пассажиров пристегнуть ремни. Вскоре самолет начал снижаться. Все происходило какими-то обрывками, рвано и нервно. Холодный телетрап, незнакомые лестницы, багажная карусель, зал прилета, из окон которого виднелось голубое морозное небо, и она. Таня.

Его Таня, такая же красивая, как и всегда. Такая же родная.

Она стояла чуть в стороне от встречающих, в пуховике и простых джинсах, с распущенными волосами, которые темно-русыми волнами спадали на плечи и спину, и странным выражением лица. Тоска, нежность, злость, грусть — в нем смешалось все, но стоило Косте оставить чемодан и броситься к ней, чтобы подхватить на руки, как ее лицо осветилось радостью.

— Отпусти меня, — глухо попросила Таня, хотя сама с силой обнимала его за шею, словно боясь потерять вновь. — Отпусти.



Он послушал ее и поставил на ноги, а Таня тотчас ударила его по плечу. Еще раз. И еще. Била, кусая губу, чтобы не заплакать, а он стоял, смотрел на нее, улыбался и молчал. Пусть бьет. Ему не больно, а ей так будет легче.

— Ненавижу тебя! Как ты мог! Как ты мог оставить меня? — хриплым голосом спрашивала Таня и в какой-то момент вдруг выдохлась, опустила руки и пошатнулась.

Костя тотчас подхватил ее, обнял и, прижимая к себе, гладил по волосам. А она редела, уткнувшись ему в грудь.

— Все хорошо, маленькая, — шептал Костя, чувствуя, как сердце наполняется давно потерянной нежностью. — Все хорошо, я здесь. Я с тобой.

— Я так скучала, — всхлинула Таня. — Ненавижу тебя. Ненавижу!

— Ты меня любишь, — зачем-то сказал он. — Знаю, ты меня очень любишь.

Таня в его руках вдруг стала таять, будто ее и не было. И все, что осталось, — слабый аромат ее цветочных духов, название которых он забыл.

Костя открыл глаза и понял, что все еще находится в самолете, который и не думает снижаться, а увиденное было лишь сном. Чудесным сном. И от злости, вдруг накатившей на него, сжал кулаки.

На него снова обрушились воспоминания. То ли потому, что до родного города оставалось совсем ничего, то ли из-за проклятого неба за иллюминатором.

Это было прекрасно — те несколько месяцев, которые Костя провел рядом с ней. Началось все банально — он заступился за нее, потому что не мог иначе, и был очарован Таней с первых минут. Тогда он забыл обо всем — о трудностях в семье, о своих планах, об учебе в США. Для него существовала лишь она, Таня Ведьмина, девушка, которая покорила его сердце. В ней сочетались красота, ум и твердый характер, а почему она обратила на него внимание, Костя и сам не знал. Тогда он не считал себя кем-то особенным — обычный парень, не слишком спортивный, не всегда уверенный в себе, предпочитающий футболу книги, а боевикам — документальные фильмы. Из

плюсов — обеспеченная семья, но деньги-то все равно не его. Таня любила его таким, какой он был, и он всегда был благодарен ей за это.

Сейчас Костя стал другим. Поменялся и внешне, и внутренне. Он не зря проводил дни напролет в тренажерном зале — его тело стало рельефным и выносливым. И без того светлые волосы выгорели на морском солнце, черты лица стали жестче, взрослее, а кожа приобрела золотистый оттенок. У лучшего мастера Восточного побережья Костя сделал татуировки — на руках, груди, плечах. А одежду покупал в самых модных фирменных магазинах. Даже русский акцент почти исчез, и люди вокруг считали, что Костя приехал откуда-то из Скандинавии. Кроме того, он стал гораздо увереннее, мужественнее и напористее; если раньше не всегда мог отстоять свою точку зрения, то теперь хорошо умел это делать. И вообще, казался ярким и твердым. Походка, жесты, взгляд. У него изменился даже смех.

Все это далось ему нелегко. Пришлось ломать себя и строить заново. Повезло, что рядом оказались хорошие люди — парни, с которыми он вместе учился. Они действительно помогли ему стать другим и научили иначе относиться к жизни. Только Таня так и осталась в его голове, сколько бы он ее ни выбрасывал. Одна из девушек бросила его, потому что он назвал ее Таней в постели. Правда, ему было все равно — ей на смену пришла другая, столь же горячая. А мысли о первой любви остались.

Костя отвел взгляд от неба и потер глаза сухими ладонями. Лететь до родного города осталось чуть меньше часа, но он устал — в общей сложности перелет занял у него почти сутки. Хотелось принять душ, завалиться в кровать и уснуть. Правда, домой — в то место, которое он раньше считал домом, — ему возвращаться не хотелось. Слишком отвык — от стен, обстановки, людей. От бесконечной зимы с ее холодом, ветрами и снегом. Косте нравилось жить там, где зима была другой — мягкой, уютной и теплой. Косте нравилась свобода.

— Все ли в порядке? Может быть, вы что-нибудь хотите? — склонилась к нему приветливая стюардесса



бизнес-класса, в котором летел Костя. Правда, бизнес-классом он назвал бы это с натяжкой — не сравнится с международными рейсами.

— Негазированную воду, — попросил Костя и залпом выпил ее, когда стюардесса принесла стакан: из-за мыслей о прошлом во рту пересохло.

Костя прекрасно осознавал, что его поступок был некрасивым, что он не должен был давать Тане ложных надежд на будущее, что не смог быть сильным, и словно заранее извинялся перед любимой девушкой — именно поэтому повез ее на остров вечной весны, зная, что скоро они расстанутся и их личная сказка закончится. Он действительно искренне любил ее — Таня стала его спасением от серых будней. До встречи с ней Костя давно хотел уехать. Почему? Потому что его все достало. Потому что в своей семье он чувствовал себя чужим: отчим хоть ни слова плохого не говорил, но всем своим видом показывал, что Костя ему никто. А мать, волевая и властная женщина, давила и заставляла все делать так, как хочет она, — не потому, что она была плохим человеком, а потому, что такова была ее суть. Будь она другой, не стала бы владелицей успешного бизнеса. У Кости были хорошие отношения с сестрой, но этого было мало, чтобы чувствовать себя нужным в семье. Таня появилась слишком поздно. Он пытался. Пытался отвоевать свое право на счастье. Не смог. Оказался слабым.

Когда Костя сказал матери, что никуда не поедет, она разъярилась. Кричала, что сначала он ее уговаривал отправить его на учебу в Штаты, она согласилась, потратила немаленькие деньги, чтобы устроить его в один из лучших университетов, а теперь он передумал из-за какой-то непонятной девицы! И она не позволит гормонам рушить его будущее. Поэтому он поедет и будет учиться, а не маяться дурью. Костя вспыхнул, хлопнул дверью и ушел, но почти сразу понял, что мать заблокировала средства на его карте. Он знал, что она слишком принципиальная и пойдет до конца — заберет все, что дала, если он ослушается ее. А потому скрепя сердце согласился. Но сказать Тане правду так

и не смог — знал, что эта правда ранит ее. И трусливо улетел, соврав, что в гости.

Да, он обидел Таню, предал ее, но и ему было нелегко. Он дико скучал, ненавидел себя за слабость, но оправдывался перед самим собой тем, что без денег был бы не нужен Тане, а ведь она привыкла к хорошей жизни. Сейчас он поступил бы иначе, но это сейчас, когда он стал совсем другим человеком. Уверенным в себе и взрослым. Знающим себе цену.

Костя понимал, что отношения на расстоянии — не вариант, и был рад, когда Таня предложила расстаться. Наверно, это было слишком эгоистично, но Костя считал, что такие отношения сковывают их обоих и не приносят ничего хорошего. Справедливее будет, если каждый пойдет своей дорогой. Таня не должна жить мыслями о встрече с ним, ей, такой живой и чудесной, нужен был рядом человек, а не иллюзия. Да и ему нужна была подружка, а свободных и красивых девчонок вокруг было полно. Лучше расстаться и отпустить друг друга, чем мучиться.

Костя силой заставил себя забыть о Тане. Перестал вспоминать счастливые дни, смотреть на ее фото, следить за ней в соцсетях. И начал новую жизнь, надеясь, что то же самое сделает и она. Он сознательно игнорировал ее — не хотел давать ей ложных надежд. С его точки зрения это было бы совсем плохо.

Объявили о скорой посадке — теперь по-настоящему. И все сразу пошло не так, как было во сне. Вместо телеграфа — автобус, вместо быстрого получения багажа на ленте — необоснованно долгое ожидание, вместо Тани в зале прилета — никого. Ни мать, ни сестра, ни бывшие друзья — никто не собирался встречать Костю, и он с самого начала знал это. Мать занята на работе, сестра готовится к скорой свадьбе, друзей не осталось. А Таня даже не знает о том, что он прилетает сегодня вечером.

Даже небо было другим — не ярко-голубым и слепящим, а хмурым и неприветливым. К тому же на улице стоял ужасный холод. Отвыкший от родных зим, Костя тотчас замерз. Он не хотел возвращаться, и его раздражало все,



что он видел. Все эти серые зимние пейзажи, унылые лица, необъяснимая тоска, окутавшая улицы, — из-за всего этого хотелось вернуться обратно, хоть Костя и понимал, что его желание иррационально.

Уже в такси, вертя на указательном пальце массивное кольцо, Костя вдруг вспомнил их первый поцелуй с Таней, и желание увидеться с ней стало невыносимым. Почти болезненным.

Он знал, что увидит ее. Обязательно. В этот раз — точно.

В первый раз он ждал ее в каком-то баре, когда приехал домой на Рождество. Попросил сестру, чтобы она позвала Таню, — сам не смог. И ждал. Много часов ждал. До самого закрытия. Говорил себе, что, если она все-таки придет, он останется, не будет возвращаться в Америку, но она так и не пришла, а он больше не возвращался в страну. Может быть, говорил так, потому что знал — она не придет?

Во второй раз Костя мог увидеть ее в США, когда от общих знакомых узнал, что Таня учится по обмену где-то в Аризоне. Он разыскал университет, в который она ходила, через новых друзей нашел парня, который знал ее, купил билеты и махнул через всю страну на Западное побережье. И не поехал к ней. Вдруг решил, что не должен этого делать, что из этого ничего хорошего не выйдет. Зачем беречь старые раны? Пусть они проведут вместе пару недель, может быть, даже месяцев, если он бросит учебу, но затем снова расстанутся. Она улетит домой, а он останется в США. Какой смысл снова переживать расставание? Ей ведь наверняка будет тяжело. Она снова будет плакать, снова расстроится — он не должен допускать этого. К черту все, нельзя ее вспоминать. И Костя снова о ней забыл. И вспомнил тогда, когда мать велела ему возвращаться после окончания магистратуры. Формально Костя летел на свадьбу сестренки, но он знал, что его свободная жизнь на побережье закончена — бизнес матери требовал его участия. И был готов к этому. Только был не готов к этой чертовой ностальгии. Глухой сон, и надо же было ему присниться.

Костя приехал домой, где, казалось, совсем ничего не изменилось. От прежних картин в гостиной до недовольных взглядов отчима. Он будто вернулся в прошлое, но сам себе твердо сказал, что прежним не будет. Никогда. Он другой. И все теперь станет иначе.

Бросив чемоданы и не снимая джинсы с толстовкой, Костя рухнул в кровать и заснул, а проснулся уже тогда, когда за окном стоял поздний вечер. В квартире никого не было, и он наскоро принял душ, сварил себе кофе — разумеется, безвкусного, и взял телефон, чтобы написать сообщение. Он сидел на подоконнике своей старой комнаты, смотрел на падающий снег и какое-то время думал, что написать.

Никаких полотен текста, никаких объяснений, никаких извинений. Все просто и лаконично. Искренне. Достаточно, чтобы начать все сначала.

«Привет, Танюша, я вернулся. Ты скучала?»

Она ответила, но не быстро. Зато сразу узнала — по фото на аватарке. На этом фото он был на пляже и улыбался. А на ее аватарке был смешной медвежонок с ножом.

«Привет, Костя. А должна была?»

«Извини, если задел. Просто я очень скучал.»

«Сочувствую. Не мог бы ты перестать мне писать?»

Прочитав это сообщение, Костя вдруг улыбнулся — Таня всегда была остра на язычок, и ему это в ней безумно нравилось. Он не успел ответить, как следом прилетело еще одно сообщение, явно глумливое:

«Извини, если задела. Знаешь, я просто не люблю идиотов».

«Все в порядке. Я хочу встретиться. Можно?»

«Можно ходить к черту по распорядку. Каждый день, до завтрака и после обеда. При желании еще и вместо ужина», — написала Таня.

«Ты все такая же», — заметил он, чувствуя, как разгорается знакомый огонек азарта.

«Нет, Костя, я не такая же. И ты не такой же. Узнав эту необыкновенную информацию, мы можем с легкой душой распрощаться».

Следом полетел стикер с надписью: «До свидания».



Костя потер подбородок.

«Не можем. Тань, давай встретимся. Я хотя бы прощение попрошу по-человечески».

«Животные не умеют просить прощения по-человечески, — написала Таня, — строение речевого аппарата, знаешь ли, не позволяет».

«Я тебя очень прошу о встрече. У меня есть для тебя кое-что важное», — ответил Костя, по привычке распахивая окно, но вместо свежего океанского воздуха в комнату хлынул мороз. Окно пришлось тотчас закрыть.

«Что же?»

«Скажу при встрече. Это не телефонный разговор».

«Мне не нужны встречи», — отрезала Таня.

«Танюша, знаю, что между нами все пошло не так, и, поверь, я сам не в восторге, что так вышло. Я хочу поставить между нами финальную точку. И сказать кое-что важное. Я часто думал о нас. И это меня мучило».

«Так часто, что постоянно тусовался с разными девичками?» — спросила Таня.

«Следила за мной?» — с улыбкой подловил ее Костя.

«За дерьмом следить не нужно — оно то и дело где-нибудь всплывает само. Как ты сегодня. Кость, знаешь, что я тебе скажу? Ты эгоист. Законченный эгоист. Вернулся, и стало скучно, поэтому решил вспомнить обо мне? Не нужно. Никаких встреч. Мы расстались, и точка».

Он написал ей длинное сообщение, а потом еще одно, пытался оправдаться, говорил, что скучает и хочет открыть свое сердце — как раньше, нараспашку. Но она даже не читала. И не добавляла в черный список — просто игнорировала, словно ей было все равно. И это задело Костю, который все представлял совершенно иначе.

И тогда он решил поехать к ней сам. Они должны встретиться. В третий раз точно.

\* \* \*

Если меня спросят, какой день в этом году был самым отвратительным, я, без сомнения, укажу на этот. Во-первых,

что-то случилось с Олегом, и я, слыша по телефону звуки борьбы и женский истошный крик о скорой, чуть не поседела. А во-вторых, объявился мой бывший парень. Костя. Человек, который оставил меня, потому что не смог отказаться от учебы за границей. Человек, который заставил меня пообещать самой себе, что больше я никому и никогда не открою сердце. Человек, которого я безумно любила.

Как обычно объявляются бывшие? Появляются в компании со сногшибательной красоткой, чтобы дать почувствовать тебе собственную неполноценность. Или сталкиваются с тобой в общей компании — счастливые и сияющие от радости, заставляя скрежетать зубами от ярости и жалеть о расставании. Костя же объявился иначе. Он написал ни с того ни с сего и заявил, что скучает.

Увидев его первое сообщение, я оцепенела. Просто смотрела на экран, не в силах поверить в увиденное, и не понимала, что происходит. Зачем он мне пишет, с какой целью? Сначала я была растеряна, а затем на меня нахлынула холодная жгучая ярость. Когда-то его имя было моей молитвой — я просыпалась с ним на устах и засыпала, но сейчас меня тошнило и от его имени, и от его фотографии, на которой он улыбался чужой, незнакомой улыбкой.

Серьезно? Вот так просто взял и написал после долгого молчания? Так невозмутимо предложил увидеться, словно ничего не произошло? Решил, что я соглашусь на встречу и прибегу к нему на задних лапках?

Возможно, Костя думал, что я нашла себя на помойке, поэтому у меня нет чувства собственного достоинства и гордости. И решил, что я соглашусь и полечу бабочкой в его распахнутые объятия. Он не понимал, что остался в прошлом и стал лишь воспоминанием. А я вдруг поняла то, что раньше плохо осознавала: он эгоист. Законченный эгоист. Не слабый, загнанный в угол обстоятельствами человек, не сумевший противостоять напору властной матери, а просто эгоист. Наверно, это неплохо — ставить в приоритет свое счастье, а не чужое, но не за мой счет, пожалуйста.

В переписке я пыталась быть резкой и равнодушной, но на душе скребли кошки. В сердце появилась знакомая глухая



тоска, и это так взбесило меня, что я точно решила: встречаться с Костей не стану. Что бы он ни говорил. Как бы ни просил. А он все писал и писал, нес какую-то ерунду и злил меня все сильнее. Не знаю, к чему привел бы наш диалог, но в какой-то момент мне позвонил Олег. И я чуть с ума не сошла от беспокойства за него — думала, что его ранили и что это ему нужна скорая. Так страшно мне было только однажды — когда младший брат позвонил мне и сказал, что бабушке плохо, а дома нет взрослых. И тогда, и сейчас я испугалась так, что перестала чувствовать собственное тело — мне казалось, что я парю в воздухе, а не сижу на кровати.

Услышав крик про скорую, я вскочила — голова закружилась, но я устояла на ногах и бросилась к шкафу. Нашла первые попавшиеся джинсы и кофту. Кое-как натянула их, не выпуская из рук телефон и продолжая вызывать Олега. Я готова была бежать куда угодно, чтобы спасти его. Но не успела выйти из комнаты, как он ответил. Сказал, что с ним все в порядке и что завтра он мне обо всем расскажет. А еще вдруг назвал малышкой, заставив мое сердце пропустить удар. И дело было не в этом ванильном обращении, а в интонации, с которой он говорил, — ласковой и осторожной. Так говорят любимым девушкам, пытаясь их успокоить.

Я пыталась говорить с ним по телефону бодро, но после окончания нашего короткого разговора просто сползла по стенке на пол — ноги отказывались меня держать. Мысли о Косте моментально пропали, я думала лишь об Олеге, но перезванивать ему не стала — наверняка случилось что-то серьезное, и сейчас мне не нужно донимать его своими звонками. Главное, что с ним все хорошо.

Какое-то время я сидела на полу, откинув голову назад, прижимаясь затылком к стене. Я пыталась унять бешеное сердцебиение и понять, что произошло, однако ничего путного в голову не приходило. Нужно приехать завтра в университет пораньше и найти Олега. А Костя... Косте я больше не отвечала. Мы расстались и давно друг другу никто.

Глядя на свое отражение в напольном, сияющем под-светкой зеркале, я вдруг тихо, но твердо сказала:

— Прошлое останется в прошлом. Он мне больше не нужен. У меня есть Олег.

Последняя фраза вырвалась совершенно случайно, и я улыбнулась сама себе, вдруг поняв, каким важным человеком для меня стал Олег Владыко. Как это произошло, я не понимала, но факт оставался фактом.

Дверь широко распахнулась, и на пороге появился младший брат.

— Что, сама с собой разговариваешь? — спросил он и без разрешения просочился в мою комнату. — Я давно знал, что ты у нас немного не в себе. — Для наглядности Арчи покрутил у виска, но тотчас поплатился — споткнулся о мой телефон, лежавший на полу, и чуть не растянулся рядом. — Хватит разбрасывать вещи, как неряха! Ты же девочка, а не гоблин! — мастерски передразнил он бабушку, поборницу чистоты в нашем доме.

Арчи заглянул в мой телефон и нахмурился.

— Оставь меня одну, ладно? — попросила я устало и протянула руку. — И отдай мне телефон.

— А волшебное слово? — поинтересовался он.

— Пошел отсюда, — без особого энтузиазма ответила я. Препираться с мелким не было сил. — Если тебе снова нужны деньги, в кармане пуховика есть мелочь, можешь взять.

— Нужны мне твои копейки, — фыркнул Арчи, — я папу обрабатываю на квадрокоптер.

— Удачи.

Арчи смерил меня подозрительным взглядом, вернул телефон, взял со стола какую-то канцелярию, за которой и пришел, после чего откланялся, так грохнув напоследок дверью, что я вздрогнула. Все мои мысли были об Олеге, и я, чтобы не сойти от них с ума, пошла спать. Несколько часов я не могла сомкнуть глаз и смотрела, как в теплом лунном свете за окном кружится снег.

Часа в два ночи я взяла в руки телефон и сделала еще один пост. Выложила фото сверкающего огнями города,



на которое попало плечо Олега, и написала: «Хочу, чтобы у нас все было серьезно».

Я решила больше не подчиняться прошлому и жить настоящим.

И только потом заснула.

\* \* \*

Выйдя из комнаты сестры, Арчи направился к себе в спальню и схватил телефон, стоящий на подзарядке. По памяти он набрал номер, который увидел на экране ее мобильного — случайно прочитал часть переписки Тани с ее бывшим, Костей. Прочитал и просто взбесился.

Этого Костю Арчи прекрасно помнил — они с Таней встречались несколько лет назад, и она даже приводила его домой, чтобы познакомить с семьей. Мама, бабушка и Ксю были от него в восторге, папа на удивление сохранил нейтралитет, а ему, Арчи, этот Костя не понравился. Весь такой вежливый, милый, приторный, как клубничное варенье, разбавленное сгущенкой. Но больше всего Арчи не нравилось, как Таня на него смотрела. Он никогда не видел, чтобы Танька глядела на кого-то с таким благоговением — так, будто перед ней был не какой-то раздражающий тип, а чек на миллион долларов. Он ужасно ревновал старшую сестру, хоть и не подавал виду. А еще называл ее парня за глаза Констанцией, из-за чего она ругалась.

Костя несколько раз приходил к ним в гости, и каждый раз Арчи хотелось сделать ему какую-нибудь гадость. Насыпать в кроссовки хлорки или забить карманы его джинсовки землей, да хоть пластиковых мух в тарелку подбросить! Однажды Арчи стал свидетелем тошнотворной сцены — забрел в лес рядом с домом и увидел там Таню со своим Костилом. Он сидел на скамейке, а она у него на коленях, и они целовались, никого и ничего не замечая. Любость Тани к этому идиоту раздражала Арчи, и он на полном серьезе вынашивал план в следующий раз подбросить Костю в рюкзак длинный белый волос своей одноклассницы